

Психиатрическая лечебница Аркхем

К Джокеру здесь относились как к безумцу наивысшей категории опасности. Его тело стянули смирительными ремнями так плотно, что он не мог пошевелить и пальцем. Даже голову замотали, оставив открытыми лишь ноздри для дыхания, а ядовито-зелёные глаза намертво закрыли плотной повязкой.

Лишённый возможности двигаться, он меланхолично подсчитывал в уме, сколько знатного веселья устроил во время своего последнего побега.

Вдруг его уши уловили посторонний звук. Тихий, абсолютно незнакомый шаг раздался будто из ниоткуда и уверенно приблизился к самой кушетке.

Нет, это не Супермен. Джокер быстро прикинул в уме: поступь криптонца куда тяжелее, да и поводов злиться на себя он в последнее время красному плащу не давал.

Прочие члены Лиги Справедливости? Ой, не смешите.

Кто же тогда пожаловал?

Губы Джокера расплзлись в ухмылке, грозившей порвать рот до самых ушей. Свежие шрамы на щеках лопнули, и по подбородку тонкой струйкой побежала тёплая кровь.

— Уважаемый кусок дерьма, не соблаговолите ли вы поскорее сдохнуть?

Голос звучал непривычно молодо и легкомысленно, совсем не как у вечно хмурых героев в трико. Однако за этой напускной вежливостью скрывалось куда меньше искренней ненависти, чем можно было ожидать.

Любопытный экземпляр.

Джокер слегка повёл головой, и ремни, которые должны были держать его намертво, каким-то чудом без малейших усилий соскользнули на пол. Он стянул повязку.

— О-о-о... И какой же сладкий мальчик решил навестить своего любимого дядюшку Джокера?

Перед ним стоял юноша. Высокий, безупречно сложенный, в его позе сквозила ленивая, почти кошачья грация. Но исходившая от него угроза ничуть не уступала той, что обычно приносил с собой Бэтмен. Юнец чем-то напоминал Супермена, но в его повадках не чувствовалось и сотой доли той удушающей ответственности, которой щеголял бойскаут из Метрополиса.

Джокер облизнулся и безумно ухмыльнулся.

Очередной сверхчеловек. Скука смертная, такие его никогда не привлекали.

Сатору Годжо лениво разглядывал клоуна в ответ. Этот шут мало отличался от версии из его собственного мира, разве что здешний выглядел куда более возбуждённым и психически искалеченным.

«Что это? Побочный эффект долгой жизни? — подумал Сатору. — Или его так штырит от бесконечной игры в кошки-мышки с Бэт-семейством?»

Впрочем, Годжо было плевать. Психопаты его не удивляли и уж тем более не вызывали любопытства. В мире магов-заклинателей безумцев пруд пруди. Он видел деятелей, которые выжигали себе глаза и уши, лишь бы не созерцать проклятых духов, видел ублюдков, утопивших полмира в крови просто потому, что их собственная жизнь не задалась.

Он смотрел на Джокера сверху вниз, как на наглую букашку, решившую оспорить его величие. Сиди этот шут смирно, Сатору бы пальцем не пошевелил. Но мерзавец, прикрываясь жёлтым билетом из лечебницы, раз за разом топил Готэм в грязи, пытаясь превратить город в обитель хаоса. Хуже всего то, что этот маньяк в любом мире и в любой временной шкале неизменно пытался утянуть в бездну отчаяния тех, кто был Сатору дорог.

Больше всего на свете Джокер ненавидел — и одновременно обожал — этот взгляд. Взгляд, в котором читалось отношение как к дорожной грязи. Точно так же на него смотрели люди до того, как он окончательно слетел с катушек и надел этот грим.

— Хочешь поиграть с дядюшкой Джокером, малец? — проскрежетал клоун. — Только вот время уже позднее, хорошим мальчикам пора спать, а не шататься по подворотням.

Каким бы безумным ни был Джокер, инстинкт самосохранения у него работал отменно. Идти напролом против существа, по мощи не уступающего Супермену, было бы глупостью, а не безумием.

Поэтому он незаметно нажал на кнопку передатчика, вшитого прямо под кожу на бедре. Сигнал предназначался не только Харли и банде, но и Бэтмену. Когда на кону стояла собственная шкура, звать на помощь заклятого врага было лучшим решением.

Джокер никогда не отличался гордостью или щепетильностью. Человек, способный срезать собственное лицо смеха ради, пойдёт на любую низость. Раз этот незнакомец явился сюда, значит, дело наверняка в ушастом защитнике Готэма.

Джокер затрясся в припадке беззвучного смеха, который вскоре перерос в залиvistый хохот. О да, этот паренёк явно равнодушен к Летучей мышке.

Годжо даже не шелохнулся. Он с мягкой, снисходительной улыбкой наблюдал за жалкими попытками маньяка спастись. Пусть тварь извивается сколько угодно — финал этой пьесы уже предreshён.

Голос Сатору звучал легко, словно дуновение ветра.

— Знаешь, почему я пришёл без малейших опасений? — поинтересовался Годжо. — Я прекрасно изучил твои повадки. Ты — бешеное животное, у которого нет ни чести, ни стыда. Чужие смерти для тебя не повод для радости и не триумф, а просто забавная возня с безликими игровыми персонажами. Но при этом ты чертовски изворотлив, прямо как настоящий человек. Если прижмёт, ты без колебаний полезешь целовать сапоги Бэтмену и выть о пощаде. Потрясающее разнообразие человеческой природы в одном уродливом флаконе.

Сатору сокрушённо вздохнул, качнув головой.

— Раз уж я знаю тебя как облупленного, неужели ты думал, что я заявлюсь в Аркхем без подготовки?

Всё-таки его воспитывал сам Брюс Уэйн. И пусть Сатору никогда не питал страсти к компьютерному железу, его навыков хакера вполне хватало, чтобы без следа взломать серверы Пентагона. Отключить камеры в лечебнице и заглушить все частоты связи для него было делом нескольких секунд. Плёвая задача, с которой он справился шутя.

К тому же старые готэмские стены Аркхема были буквально напичканы свинцовыми пластинами. Криптонский бойскаут не услышал бы вопли Джокера, даже если бы тот сорвал себе глотку.

Сатору широко улыbnулся и лениво протянул руку в сторону замершего маньяка, растопырив пальцы.

— Знаешь, я тут недавно немного освоил законы пространства. Хочешь стать моим первым подопытным?

Лезвие, припрятанное Джокером в складках собственной плоти, внезапно отказалось повиноваться. Вместо этого оно начало двигаться само по себе, медленно и неотвратно погружаясь глубже в бедро, разрезая фасции и аккуратно отделяя мышечные волокна от кости. Боль была тонкой, острой и совершенно неизбежной.

Сатору тихо рассмеялся, глядя на то, как клоун бьётся на кушетке, словно пойманный на крючок карась.

— Я знаю, что ты тварь на редкость живучая. Раз уж ты умудрился пережить срезку

собственного лица, списывать тебя со счетов было бы глупостью. Я ведь не недооцениваю тебя, правда?

Он шутливо развёл руками.

— Но вот незадача: Бэтмен очень не любит, когда я кого-то убиваю. А я ведь такой послушный, нежный и тихий мальчик, ну как я могу расстроить своего дорогого папочку-летучую мышь? Так что убивать я тебя не стану. Поэтому...

В его ладони закружился яростный вихрь проклятой энергии, смешиваясь с искажёнными законами времени в единую сокрушительную силу.

— Расширение территории: Необъятная бездна.

Стены палаты содрогнулись, уступая место бесконечной черноте космоса. В ту же секунду колоссальный, не поддающийся человеческому осмыслению объём информации лавиной обрушился на разум Джокера. Ломая барьеры его и без того воспалённого сознания, бесконечный поток данных хлынул внутрь.

Сквозь жуткую, разрывающую череп боль маньяк расслышал тихий, отдаляющийся голос юноши:

— Ой, кажется, я слегка переборщил с настройками времени... Ну да ладно. Ты парень крепкий, пролежишь в овощном состоянии веку побольше — чай, не рассыплешься?

Сознание Джокера мгновенно провалилось во тьму собственного прошлого. Перед ним бесконечной чередой поползли картины его худших кошмаров. Сцена, свист толпы, нищета, ложные обвинения, мёртвая жена и, наконец, падение в цистерну с едкими химикатами, выжигающими разум и плоть.

Он переживал эти моменты снова и снова, но теперь с ужасающей, микроскопической детализацией. Каждая трещинка на стене, частота колебания ядовитой жижи, гримасы прохожих — миллиарды ничтожных, сводящих с ума подробностей терзали его мозг в непрерывном цикле.

Сатору посмотрел на застывшего с открытым ртом Джокера, чьё лицо превратилось в неподвижную маску ужаса, и с весёлым напевом зашагал к выходу. Ближайшие несколько десятков лет этот ублюдок проведёт в бесконечном чистилище собственного разума, запертый наедине со своими величайшими страхами до тех пор, пока его дряхлое тело наконец не испустит дух.

Что касается лезвия в бедре... пожалуй, лишь через пару десятилетий, когда мышцы окончательно отделятся от кости, санитары лечебницы, панически боящиеся подходить к

кушетке маньяка, заметят неладное.

Маленькая, изящная месть. Жители Готэма наверняка поставят Сатору памятник за такой подарок.

В конце концов, он ведь его не убил.

Why so serious?

Поместье Уэйнов

— И где тебя носило? — спросил Брюс, стоило довольному Сатору переступить порог гостиной. Юноша прямо-таки светился от счастья, хотя пропадал без вести с самого утра.

Дик, сидевший на диване по соседству, с любопытством вытянул шею, разглядывая младшего брата.

Рядом с Брюсом устроились Дамиан и Тим. Чуть поодаль, на маленьком диванчике, с максимально независимым видом сидел Джейсон. Он хмуро листал какую-то книгу, делая вид, что происходящее его совершенно не касается, но то и дело бросал косые взгляды в сторону вошедшего Сатору.

— Хе-хе, — загадочно ухмыльнулся Сатору и скользнул за спинку кресла Брюса.

За окном валил густой снег, укрывая готэмские улицы пушистым белым ковром — завтра наступал сочельник. И хотя в поместье исправно работало современное отопление, Альфред по традиции растопил камин. Сухие поленья приятно потрескивали, наполняя комнату едва уловимым ароматом сосновой смолы.

Брюс лениво листал планшет, откинувшись на спинку глубокого кресла. Он выглядел на редкость расслабленным и умиротворённым.

— Я ходил за подарками для вас, разумеется! — с самым серьёзным лицом соврал Сатору.

Брюс недоверчиво приподнял бровь, продолжая пристально сверлить его взглядом.

— Ну правда! Я ведь здесь ненадолго, а тут ещё и Рождество на носу. Должен же я порадовать свою любимую семью!

Заметив скептические мины на лицах парней, Сатору театрально запричитал, взывая к справедливости. Неужели они сомневаются в его искренности? Он ведь так старался поддерживать образ послушного и заботливого сына!

Правда, за последние несколько дней этот самый «послушный сын» умудрился поставить на уши всё Бэт-семейство, но Сатору предпочёл об этом тактично умолчать.

Брюс обречённо вздохнул и прикрыл глаза, решив не спорить с несносным ребёнком.

Вдруг до его слуха донёсся странный шорох, похожий на треск статического электричества от шерстяной ткани. В следующий миг кто-то из младших удивлённо ахнул, а затем послышалась возня и приглушённые смешки.

— Дамиан? — не открывая глаз, позвал Брюс.

— Отец! Ты только пос... — начал было младший Уэйн, но его тут же бесцеремонно заткнули. Из кучи-малы на ковре донеслось лишь сердитое мычание.

Брюс нахмурился.

— Всё в порядке, всё под контролем, — пропел Сатору откуда-то сверху, мягко коснувшись его плеч.

На Брюса бережно, но настойчиво натянули нечто мягкое и объёмное. Послушно просунув руки в рукава, он приготовился к худшему, но тут на его макушке закрепили какой-то ободок.

— Готово! Можешь смотреть! — победоносно объявил Сатору.

Брюс открыл глаза. Его сыновья, сбившись в кучу, безуспешно пытались сдержать дикий хохот. Тим утыкался лицом в плечо Дика, Джейсон прыснул в кулак, а Дамиан яростно пинал ковёр, пытаясь сохранить суровый вид.

В гостиную вошел Альфред с подносом. Увидев хозяина дома, безупречный дворецкий на долю секунды замер, а его рука с чайником едва заметно дрогнула. Впрочем, он мгновенно вернул себе самообладание и с истинно британским хладнокровием расставил чашки перед молодыми людьми.

— Вам очень идёт этот наряд, милорд. Он заметно вас молодит.

Сердце Брюса ушло в пятки. Заподозрив неладное, он мгновенно поднялся и подошёл к зеркалу.

На него смотрел Бэтмен. Точнее, Бэтмен в нежно-розовом длинном свитере крупной вязки, украшенном пушистыми белыми помпонами. На голове грозного защитника Готэма красовался ободок с аккуратными розовыми кошачьими ушками.

В гостиной повисла мёртвая тишина, прерываемая лишь судорожными вздохами сыновей.

— Сатору... Годжо! — прорычал Брюс.

Он был готов поклясться, что прямо сейчас этот шедевр уже запечатлён на камерах всех телефонов в комнате, сохранён в десяти резервных копиях и зашифрован в личных базах данных его подопечных.

— Ну не злись ты так, папочка! — весело крикнул Сатору, уворачиваясь от Брюса и корча ему уморительные рожицы. — Рождество ведь! Зачем быть таким угрюмым? Улыбнись!

Побежав за ним пару кругов вокруг дивана, Брюс наконец остановился. Он обвёл взглядом залиvisto смеющихся сыновей и тихо вздохнул, чувствуя, как раздражение уступает место странному теплу.

Этот год выдался безумным и полным тяжёлых испытаний. Но сегодня, в канун Рождества, вся его непутёвая семья была в сборе. Живые, здоровые и счастливые.

— Счастливого Рождества, Сатору, — тихо и искренне произнёс Брюс.

Он благодарил этого несносного гостя из другого мира вовсе не за дурацкий розовый свитер. Он благодарил его за то мимолётное чудо единения, которое тот подарил их вечно мрачному дому.

Брюс знал: пришло время прощаться.

— Счастливого сочельника, здешний Брюс! И вам, летающие недоразумения! — весело отозвался Сатору.

Он мягко оторвался от пола, зависая в воздухе. В его глазах отражался тёплый отсвет каминного пламени. Пора возвращаться домой. Применив законы пространства и времени, Сатору открыл мерцающий портал, ведущий в его собственную вселенную.

Шагнув сквозь пространственную брешь, он оказался в знакомой гостиной.

— И где тебя носило весь день? — нахмурился его собственный Брюс, стоило Сатору материализоваться посреди комнаты.

Но Годжо даже не подумал отвечать. С радостным воплем он бросился вперёд и намертво вцепился в мужчину, утыкаясь носом в его плечо.

— Ох, Бруси, как же я соскучился! Мой Брюс всё-таки самый лучший на свете! Счастливого Рождества!

Брюс озадаченно моргнул. Он искренне не понимал, почему обычная отлучка на пару часов вызвала у этого несносного парня такой бурный прилив нежности. Тем не менее он мягко обнял Сатору в ответ, погладив по пушистым белым волосам.

— Счастливого Рождества, — негромко ответил он.

И плевать, что до сочельника оставалось ещё целых два дня.

<http://bllate.org/book/19544/2004531>